

Он шел и шел, пока не добрался до густого леса. Здесь он спрятался за дерево и разразился отчаянными рыданиями. О, какая это была мука, какое глубокое отчаяние! Раскрылся склеп его воспоминаний, и призраки минувшего вышли терзать его!

Эптон Синклер. Джунгли¹

¹ Перевод: Д. М. Горфинкель, Э. Л. Линецкая. — Прим. пер.

Содержание

<i>В. Баронин. Рок-н-ролл, наркотики, хэппи-энд</i>	8
Слово автора	10
Пролог	11
Часть I. СТУЧАТЬСЯ В ДВЕРЬ РАЯ	16
Часть II. ПРОСТО УЛИЧНЫЙ СОРВАНЕЦ	96
Часть III. ЗАРЯЖЕН!	166
Часть IV. НОЧЬЮ Я ПОСМОТРЕЛ НАВЕРХ И УВИДЕЛ ЛИШЬ ТЬМУ	204
Часть V. ХОРОШИЙ ДЕНЬ ДЛЯ СМЕРТИ	250
Часть VI. ТЫ ПРОЛИЛ СВЕТ ВО ТЬМЕ НА МОЕ ОПУСТОШЕННОЕ СЕРДЦЕ	296
Часть VII. РАСПАДАЯСЬ НА ЧАСТИ	324
Часть VIII. ВОСПОМИНАНИЯ НЕ ОБНИМЕШЬ	350
Благодарности	379
Об авторе	383
О соавторе	383

Рок - н - ролл, наркотики, хэппи - энд

Дафф МакКаган, бас-гитарист некогда «самой опасной рок-группы планеты», лос-анжелесского состава Guns N'Roses, на первой же странице своих мемуаров честно предупреждает, что *«эти истории — мои истории, эта правда — моя правда»*. Вот так нам сразу же дают понять, что и на этот раз мы не дождемся информации о том, насколько истинная история Guns N'Roses как минимум до декабря 1986 года соответствует той, что в свое время обнародовалась во всех профильных (и не только) СМИ. Рок-музыка, тем более американская рок-музыка 1980-х, — штука лукавая, и не стоит ждать о ней рассказов за пределами раз, навсегда устоявшихся канонических легенд. Так что оно и к лучшему, что мемуары Даффа заканчиваются на августе 2010 года — мир еще ничего не знает ни о 60-процентном реюнионе классического состава Guns N'Roses (кстати, с участием Даффа), ни о скандальном интервью 2018 года второго менеджера группы Алана Найвена британскому журналу «Classic Rock». В этом интервью Алан, крайне близкий к группе в 1986–1991 годах, просто объявил ее раннюю историю «стопроцентным вымыслом». Так или не так — решать не нам, но «Это так просто... и прочая ложь» — прекрасный образец американской, именно американской рок-автобиографии. Как, известно, в США никто не любит неудачников — а книга Даффа вполне политкорректно рассказывает именно о преодолении ее автором и главным героем всех и всяческих неудач, начиная прямо со старших классов школы.

Повторимся еще раз — никаких тайн и сенсаций из истории Guns N'Roses вы под этой обложкой не найдете, но о своей собственной жизни Дафф рассказывает на-

столько честно, что иногда мороз пробирает. Возможно, поэтому книга будет интересна прежде всего тем, кто не на уровне мутных теорий, а на, так сказать, показани-ях свидетеля готов узнать, что же представляет из себя процесс ответственного, пусть и позднего, взросления сверхпопулярной рок-звезды с соответствующими финансовыми и социальными возможностями. Однако Дафф старательно обходит вопрос о том, что произошло бы, не случись с ним в мае 1994 года практически летальный приступ панкреатита — скажем, если бы его организм оказался более выносливым. Но, повторимся, неудачникам здесь не место, и Дафф с прямо-таки обескураживающей и страшно отдающей юношейской прямоотой простотой вещает о преимуществах трезвой и здоровой семейной жизни. Последние несколько глав вообще отдают благостностью в духе «смотрите, я исцелился!» на уровне очередного пособия для бойскаутов. Но что ж поделаешь — раз ты звезда мирового уровня, то, чтобы продолжать быть успешным и приятным для всех, продолжай играть в ту игру, в которую ты играл еще в эпоху своего первого издательского контракта: фиксируйся на второстепенном, но занимательном для многих, следуй рок-н-рольным клише о вечном братстве музыкантов, не упоминай нелюбимых тебе персонажей (имя Алана Найвена, о котором уже шла речь, всплывает в книге всего один раз — и то одной строкой по случаю его увольнения) и пугай читателя дотошным описанием ужасов наркомании и алкоголизма, а потом мелодраматически подводи книгу к благостному хэппи-энду. «*Это не рок-н-ролл!*» — скажете вы... и окажетесь неправы: это и есть американский рок-н-ролл, понимаемый как ежедневная тяжкая работа и средство достижения всевозможных вершин. Безыдейно? Как сказать: Дафф МакКаган — стопроцентный американец, и его право помнить не только то, что *нужно* помнить, но и рассматривать рок-музыку именно с такой точки зрения. И даже оттуда он увидел и запомнил многое из того, о чем вы точно не читали в музыкальных журналах.

Всеволод Баронин,
переводчик.

С л о в о а в т о р а

Возможно, что мои друзья и бывшие участники группы помнят некоторые истории, рассказанные мной, иначе, нежели я сам. Но я знаю, что на любую историю можно взглянуть с разных сторон. Эти истории — мои истории, рассказанные с моей точки зрения. Эта правда — моя правда.

Пролог

Август 2010

Ди-джей Морти стоит за пультом на заднем дворе. Последние ленивые лучи послеполуденного калифорнийского солнца струятся по глинобитной черепице одноэтажного дома, где я живу со своей женой Сьюзен и двумя нашими дочками, Грейс и Мэй. Перед стойкой ди-джея — небольшой полированный деревянный настил: это портативный танцпол, который мы арендовали в комплекте с несколькими столами и стульями.

Морти просматривает треки на ноутбуке, возится с *mp3*-консолью и тщательно проверяет кабели, соединяющие оборудование с усилителем и колонками, — он готовится к вечеринке. Мы с Морти пару раз виделись на других мероприятиях в городе: я зачастую на тусовках хипстеров ощущаю себя престарелым придурком, и иногда самое удобное там — болтать о музыке с ди-джеем.

Однако сейчас, когда в Лос-Анджелесе день сменяется вечером, мое присутствие ощущается еще более неуместным, чем обычно. По крайней мере, сегодня я — не слишком желанный гость: Грейс исполняется 13, и в честь этого мы закатали вечеринку. Грейс уже сказала, что мне и маме надлежит быть совершенно невидимыми или, как она выразилась буквально: «Вас не приглашали». Ох уже эти радости отцовства!

Тем не менее мы со Сьюзен собираемся быть на вечеринке. Дни рождения в таком возрасте — важное дело. И в мои времена восемнадцатилетие считалось важной вехой жизни, но тогда на праздник приглашали нескольких хороших друзей и членов семьи. Отчасти играют роль социально-экономические различия между моим детством и детством моих детей. Район, где мы живем сейчас, куда лучше того, в котором я вырос. Когда можешь позволить себе больше, об ограничениях не идет

и речи, так что у детей, живущих в богатом районе, формируется определенный набор ожиданий. Сегодня здесь не только ди-джей, а еще фотобудка и тату-мастер, рисующий временные татуировки хной. Есть и еще одна причина выложиться по полной: мы с женой подозреваем, что тринадцатый день рождения для нашей старшей дочери Грейс станет последним днем рождения, который она захочет отпраздновать дома. Ну что ж...

На этапе планирования мы то и дело заходили в тупик. Когда я позвонил в компанию по аренде фотобудок, меня тут же спросили: «Какая у вас тема вечеринки? Видите ли, машина печатает полосами — четыре маленькие фотографии, как на паспорт, на каждой полосе. Но сбоку можно сделать надпись». Но я быстро смекнул, что к чему. На полосах с фотографиями будет написано: *«Вечеринка по случаю 13-летия Грейс»*.

И вот день настал, и я проверяю, все ли готово. Тату-мастер за своим столом разложила каталоги узоров и удобно устроилась в кресле. Приношу ей стакан воды, жадно кошусь на стол с едой, где уже разложили все необходимое для великолепного мексиканского застолья — буфетчик как раз извлекает свежесдобитые тортильи из заполненной маслом фритюрницы. Есть и бар с мороженым (я обожаю мороженое!). Вечеринка обещает быть грандиозной.

Ди-джей Морти ставит песню Принса «Controversy» и врубает усилитель на полную мощность. Я зову Сьюзен и, как только она показывается на заднем дворе, вытаскиваю ее на танцпол. Любопытный факт про первый состав Guns N' Roses — все мы любим потанцевать. Конечно, фанаты тащатся от змеиноного скольжения Эксла, но мало кто в курсе, что Слэш — танцор прямотаки мирового класса, особенно по части русских танцев вприсядку. Ну и я как-то танцую...

— Папа! — кричит Грейс.

Я замираю на середине танцевального па и смотрю на нее.

— Вот-вот придут гости!

Ну вот, уже недовольна. Что ж, ничего не поделаешь — Грейс выросла.

Когда один за другим приходят друзья Грейс, она снова напоминает, что запретила нам появляться на заднем дворе во время вечеринки. Что ж, для тринадцатилетних девочек родители — источник сплошного неудобства... ну и пусть. Вечеринка в самом разгаре, я выглядываю через заднюю дверь и вижу маленькие группы мальчишек и девчонок — тусуются, улыбаются, застенчиво смеются. Некоторые уже выглядят почти как взрослые: один из мальчишек ростом почти с меня.

Где-то через час думаю, что *нужно* отнести стакан воды парню из фотобудки, посмотреть, как идут дела у табуировщицы, просто убедиться, что гости ведут себя хорошо, — в конце концов, я несу ответственность за этих детей! Черт возьми, ди-джей — мой друг, так что с ним я обязан хоть немного пообщаться. Да и еда выглядит аппетитно — вероятно, стоит набрать тарелку закусок для Сьюзен (и, конечно, не забыть про себя любимого).

Нет, я ни за кем не шпионю, убеждаю я себя, выходя на задний двор. Ни в коем случае, я просто ответственный отец. Типа того. *Взять мороженое сейчас или вернуться за ним попозже?*

Завернув за угол, внезапно останавливаюсь, наткнувшись на целующуюся парочку. *О черт!* Замираю, не зная, что сказать или предпринять. *Этого* я совсем не ожидал.

Мысленно пробегаюсь по «контрольному списку» — о его наличии я и сам не подозревал до этой минуты. Это список того, что я вытворял в их возрасте, дополненный представлениями о том, что не должны делать дети, находящиеся под моей опекой.

Пьют алкоголь? Нет. Курят травку? Нет. Заглатывают кислоту? Нет.

Я начал курить траву совсем юным — точнее говоря, в четвертом классе. Впервые попробовал алкоголь в пятом классе, а ЛСД — годом позже, когда по дороге в среднюю школу Экштейна в Сиэтле восьмиклассник предложил мне промокашку с кислотой.

На северо-западе США грибы росли повсюду: на разделительных полосах автостоянок, на задних дворах домов, вообще абсолютно где угодно — так что я быстро узнал, от каких можно забалдеть как следует. В седы-

мом классе я уже экспертно отличал «веселые» грибы от обыкновенных, не дающих никакого эффекта. В седьмом же классе впервые нюхнул кокаин, и там же, еще в средней школе, попробовал кодеин¹, куалюды² и валиум³. В 1970-х никто особо не устраивал драму из того, что подростки пробуют наркотики. Серьезной угрозы обществу в этом тоже не видело.

Потом я увлекся музыкой. Ранняя сизтлская панк-сцена была почти микроскопической — все друг друга знали, играли в одних и тех же командах. В четырнадцать я начал лабать на барабанах, на бас-гитаре, на гитаре в разных группах. Я отправился в тур с группой The Fastbacks в таком юном возрасте, что мои одноклассники в этот же период лакомились сладкой ватой и мечтали о водительских правах. А я галлонами хлестал пиво и экспериментировал с ЛСД, грибами и кокаином.

Так что же, эти ребята пробуют грибы? Нет. Или кокаин? Нет.

Примерно в 1982 году, когда музыкальная сцена расширилась и до Сизтла добрался экономический спад, в город хлынули таблетки и героин. Многие мои знакомые превратились в наркоманов, и смерть от передозировки стала почти рутинной. Я первый раз передознул в восемнадцать лет, моя первая девушка угасла из-за героина, и героин же развалил одну из моих групп.

¹ 3-метилморфин, алкалоид опиума, используется как противокашлевое лекарственное средство, обычно в сочетании с другими веществами. Обладает слабым наркотическим (опиатным) и болеутоляющим эффектом. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

² Quaalude — американская торговая марка седативного и снотворного средства метаквалон. Вызывает привыкание, и на сегодняшний день метаквалон запрещен к применению в ряде стран, в том числе в России. В 1960-х и 1970-х гг. метаквалон был популярным «клубным» наркотиком, а также использовался рок-музыкантами как снотворное после долгих загулов.

³ Valium — патентованное название препарата диазепам, обладающего седативным, снотворным, противотревожным, противосудорожным, миорелаксирующим и амнестическим действием. Усиливает действие снотворных, наркотических, нейролептических, анальгетических препаратов, а также алкоголя. Длительный прием вызывает зависимость.

К тому времени, как мне исполнилось двадцать три, оба мои лучших друга умерли от передозировки.

Неужели героин? Слава Богу, нет.

Нет, эти ребята не ширяются и не выпивают. Ничем не пахнет, зрачки не расширены. А в моей голове продолжают всплывать воспоминания о том, чем я занимался в возрасте Грейс...

Мы с друзьями начали взламывать машины еще в средней школе. Угон автомобиля тогда приравнялся к взлому и проникновению в дом. Помню, однажды ночью я залез в церковь в надежде раздобыть несколько микрофонов для группы: вся якобы присущая мне храбрость была надуманной, а совести и вовсе не наблюдалось. Микрофонов я не нашел, так что стащил чаши для причастия, чтобы в них мешать коктейли, и об этом преступлении даже писали в газетах.

Кто-то из этих ребят угоняет автомобили? Нет.

Я видел, как эти ребята приехали — точнее, их привезли родители. Никто из них не явился сюда самостоятельно.

О боже, а что насчет?..

Первый секс случился у меня в девятом классе — девушка, конечно, была старше, я ведь играл музыку не для малолеток. Но интереснее всего, что от нее я кое-что подцепил. Конечно, нельзя было в тринадцать лет просто прийти к маме и заявить, что с моим пенисом что-то случилось. К счастью, кто-то из старших друзей направил меня в бесплатную клинику, где заправляли католические монашки. Вышло вовсе не круто, куда там — я был напуган до чертиков. Однако после трех дней на слабых антибиотиках гонорея у меня прошла.

Но эти ребята не занимаются сексом, даже не трогают друг друга — просто целуются.

Секс? Да какой там секс!

Я задумался, наверное, секунд на пять, но ребята уже оторвались друг от друга и теперь просто стоят, застыв. Шеи неловко втянуты в плечи — будто бы готовятся противостоять взрыву эмоций, который неизбежно на них обрушится. Я делаю глубокий вдох и говорю:

— Извините.

Киваю и быстро ретируюсь назад в дом.